могут считаться основой, на которой строился более развернутый летописный рассказ. Но из этого не вытекает, что погодная запись — древнейшая форма летописного повествования.[35] Напротив, как обнаружил А. А. Шахматов, точные даты появляются в киевском летописании лишь с 60-х годов XI века.[36] Следовательно, только с этого времени можно предполагать систематическое ведение погодных записей. В более древних частях летописи даты явно вставлены задним числом в сплошной недатированный летописный рассказ. Таким образом, древнейшее летописание до середины XI в. было не «*лето*-писанием» в точном смысле этого слова, а группой сказаний о наиболее важных событиях прошлого.[37] В формировании первоначального ядра русского летописания важнейшую роль играла устная традиция — фольклор.

«Повесть временных лет» начала XII в. была уже сочетанием различных элементов: эпических сказаний легендарно-фольклорного происхождения, рассказов о важнейших исторических событиях и кратких погодных записей чисто информационного характера. Наиболее ясна художественная природа первого из этих элементов — эпических сказаний (преданий). Предания о смерти вещего Олега, о мести Ольги древлянам, о единоборстве юноши-кожемяки с печенегом, о белгородском киселе и т. д. обладают четко построенными, выразительными сюжетами (многие из них сходны со «странствующими сюжетами» мирового фольклора — о мудрой деве, загадывающей загадки, предсказанной судьбе и т. д.). Перед нами не «информация» о событиях (в этих случаях почти всегда легендарных), а именно сюжет — «концепция действительности», весьма выразительно (хотя и не всегда однозначно по конечному выводу) построенная.[38]

Более сложен вопрос о художественной функции летописных рассказов, посвященных реальным, более или менее современным для летописца событиям. И. П. Еремин и другие исследователи справедливо отметили наличие двух литературных тенденций в такого рода рассказах: стремление к конкретному детализированному повествованию и склонность к идеализации, абстрагированию, литературным канонам.[39] Едва ли можно, однако, согласиться с И. П. Ереминым, когда он резко противопоставляет друг другу эти две тенденции, считая, что повествования первого типа (их он именует рассказами) имели те же функции, что и погодные записи: они просто фиксировали факты, не обнаруживая «признаков творческого переосмысления» и не возвышаясь «до каких-либо обобщений»; художественное мастерство летописца находило выражение в повествовании иного характера — абстрагированном, связанном с агиографическими канонами (летописные повести по определению И. П. Еремина).[40]

Возражая И. П. Еремину, В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев убедительно показали, что летописец мог быть художником и тогда, когда он рисовал факты во всей их бытовой конкретности. Детали в подобных

---

[35] Ср. такую точку зрения в кн.: И. П. Еремин. Лекции по древней русской литературе, стр. 52.

[36] А. А. Шахматов. 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 398—399; 2) Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 362.

[37] Ср.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 75—93.

[38] Ср.: Истоки русской беллетристики, стр. 27—28, 35—40.

[39] И. П. Еремин. Литература древней Руси, стр. 102—131; Д. С. Лихачев. 1) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 33—64; 2) Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 129—133.

[40] И. П. Еремин. Литература древней Руси, стр. 113—114, 247—253.